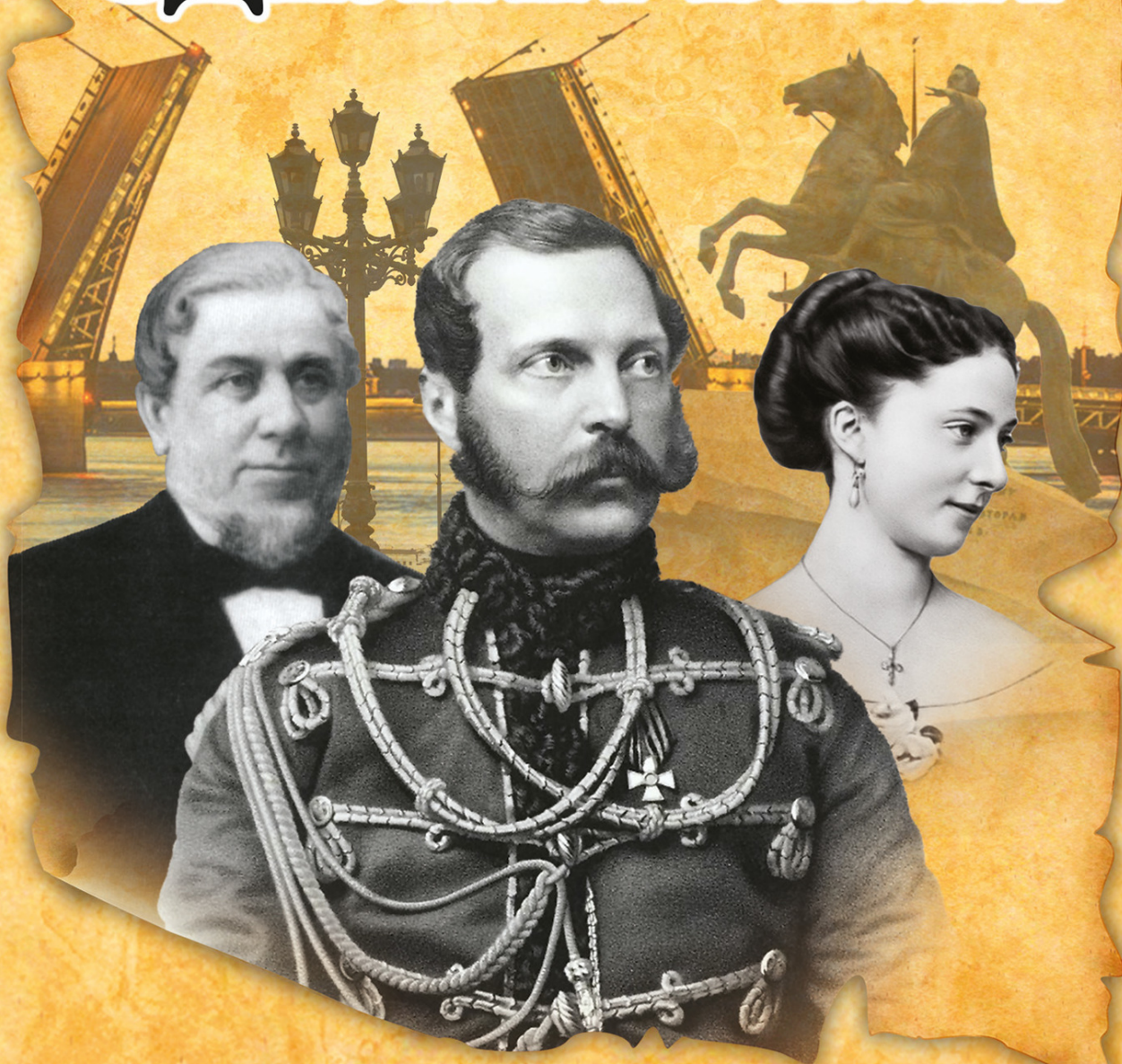

СЕРГЕЙ БОГАЧЕВ

**АЛЯСКА – КРЫМ:
СДЕЛКА ВЕКА**

Сергей Богачев

Аляска – Крым: сделка века

«Алисторус»

2019

УДК 82-84
ББК 84.3

Богачев С. В.

Аляска – Крым: сделка века / С. В. Богачев — «Алисторус»,
2019

ISBN 978-5-907149-65-6

После поражения в Крымской войне Россия встала перед необходимостью строительства железных дорог, возрождения военного флота на Черном море... Продажа Аляски, запуск металлургического завода «Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производства» должны были ускорить восстановление страны. Однако не все державы могут смириться с такой перспективой, которая гарантирует процветание России. На строительстве железных дорог в Ростов и Севастополь, при первой плавке под руководством Джона Хьюза начинают происходить странные дела. Расследовать череду непонятных событий поручено адъютанту Великого князя Константина Николаевича Романова капитану второго ранга Лузгину.

УДК 82-84

ББК 84.3

ISBN 978-5-907149-65-6

© Богачев С. В., 2019

© Алисторус, 2019

Содержание

Глава I	6
Глава II	9
Глава III	16
Глава IV	21
Глава V	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Богачев
Аляска – Крым: сделка века

© Богачев С., 2019

* * *

Глава I

18 февраля 1855 г. Зимний дворец. Санкт-Петербург.

Казалось, даже придворные и высокопоставленные чиновники в этот день передвигались по просторным залам и коридорам дворца подобно теням – беззвучно, без малейшего шороха, а что уж там говорить о лакеях – у тех это умение в крови.

Дворецкие и камердинеры безмолвно, с озабоченным видом сновали теми же коридорами, выполняя поручения, известные только им самим и тем, кто их дал.

Дневной свет, яркость которого усиливалась выпавшим за ночь снегом, подчёркивал изысканность внутренней отделки императорского дворца, проникая сквозь громадные окна в каждый угол и вместе с тем беспощадно отражал мертвенную бледность на лицах ограниченного круга присутствующих, собравшихся в небольшой угловой комнате первого этажа Зимнего дворца, ставшей центром сегодняшних событий.

Царское семейство, лейб-медик Мандт с коллегами и граф Павел Дмитриевич Киселёв с самого утра, иногда ненадолго удаляясь в коридор, чтобы позволить себе в одиночестве дать выход своей скорби, не оставляли надежд на благой исход скоротечной болезни Государя Николая Павловича¹, однако, даже неискушенному в медицинских знаниях человеку уже было понятно, что это скорее упование на чудо.

Уже будучи больным гриппом, Император посчитал нужным лично проводить своих солдат на театр боевых действий в Крыму. В лютый мороз лейб-гвардии Преображенский, Измайловский и Егерский полки в Экзерциргаузе² имели честь наблюдать своего главнокомандующего в парадном мундире и без шинели. Газа его горели, речи соответствовали моменту – лучшие воины России отбывали на фронт для спасения Севастополя.

– Государь, это хуже, чем смерть. Это самоубийство! – лейб-медик Мандт пытался воззвать царя к благоразумию, но и без того раздраженный вестями с фронта, монарх лишь отмахнулся от доктора, как от назойливой мухи. Сейчас от него, от Императора, зависит боевой дух русских полков, отправлявшихся на главную баталию его жизни, а немец всё бежит вокруг, да страшит болезнью.

Полки ушли и Государь слёг окончательно. Управление государственными делами было возложено на Наследника. Ему же адресовались военные сводки и штабные донесения. С того дня ожидание личного доклада придворных медиков о состоянии Самодержца стало ежедневной тревогой всех членов его семьи – в бюллетенях правды не писали, дабы не вводить подданных в сумятицу.

Появление на первом этаже дворца перед царскими покоями митрополита Новгородского, Санкт-Петербургского, Эстляндского и Финляндского Никона вызвало сдержанный шепот придворных, окончательно удостоверившихся в том, что их худшие опасения сбываются. Владыка прибыл для причащения Императора.

Металлическая койка, на которой монарх, накрытый шинелью, доживал свои последние часы, стояла между креслом и камином, под портретом покойной его дочери Александры. Интерьер этого помещения целиком соответствовал аскетичному характеру хозяина – никакой роскоши и любимые истоптанные туфли возле кресла.

– Сын мой, дай руку... – Государь пришел в себя после очередного приступа удушья, причинявшего ему тяжёлые страдания.

С десяти часов утра он уже не мог разговаривать и впал в беспамятство, посему слова эти стали неожиданностью – Самодержец произнёс их, не открывая глаз.

Великий князь Александр Николаевич, пройдя сквозь расступившихся своих родственников – членов семьи Романовых, преклонил колено перед солдатской койкой и взял отцов-

¹ Николай I.

² Михайловский манеж.

скую руку в свою. Будущий правитель Российской империи ощутил в своих ладонях холод – могучий некогда организм его отца, угнетаемый инфекцией и трагическими событиями Крымской войны, уже не имел сил сопротивляться.

– Я здесь... – почти шепотом произнёс Великий князь, но больной его услышал.

– Прошу тебя... Не в лучшем виде оставляю тебе своё наследие... Ты сможешь... Ты должен... Держи крепко...

Глаза Государя так и не открылись – каждое слово он произносил через силу, сопротивляясь горячке и с трудом находя в пораженных воспалением лёгких воздух. Следующие слова его были уже неразличимы из-за хрипа.

– Владыка, пришло время... – императрица Александра Фёдоровна, урождённая принцесса Гогенцоллерн, полная прусского достоинства и русской воли, подавила в себе слёзы, выровняла спину, как подобает супруге Императора и жестом пригласила митрополита пройти к койке умирающего мужа...

Глава II

27 августа 1855 г. Севастополь.

– Бомба! – крик часового заставил пригнуться всех на батарее – и офицеров, и службу орудий.

Последние сутки артиллеристы отбивали эти поклоны несколько раз в минуту – бомбардировка сил союзников не прекращалась уже много часов. На южной стороне над оборонительной линией русских войск в воздухе рвались заряды, оставляя после себя серые облака дыма в небе и стонущих, искалеченных и израненных защитников Севастополя на земле.

– Вашблагородь, ты как? – канонир Сухомлин с брига «Язон» сбил с кителя артиллерийского подпоручика Толстого землю, обильно просыпавшуюся из разбитого осколками тура³.

– Нормально, Иван Семёныч! Сам-то пригнись! – подпоручик собрал на своей батарее всех уцелевших, чтобы оставшиеся целыми три из пяти орудий могли огрызаться в сторону англо-французских войск. – Заряжай! – громко скомандовал двадцатисемилетний артиллерист.

– Есть! – по очереди доложили расчёты.

Сегодня было не до церемоний: моряки, считавшие всегда себя отдельной кастой и свысока иногда глядевшие в сторону пехотных мундиров, показывали образцовую сноровку и чудеса храбрости наравне со своими сухопутными братьями. Можно было подумать, что остервенение, с которым они дрались, стало мстью за то, что сами они спешили, а корабли их затопленные собой закрыли для вражеской эскадры вход в бухту Севастополя.

– Пли! – три громких хлопка на фоне общей канонады оповестили о том, что Янззовский форт жив, упирается и бьётся.

– Есть! Уложили! – наблюдатель победно крикнул, махнул рукой в сторону находящихся сзади своих сослуживцев и тут же обмяк, ужаленный пулей, прорвавшейся сквозь изрешечённый щит из корабельных канатов. Одним защитником Севастополя стало меньше, но оплакивать смерть товарища было некогда. Тело моряка оттащили от орудия и перенесли в окоп – рваная рана на горле не оставляла морячку шансов повидать родных.

Четвёртый бастион даже среди отчаянных вояк считался местом не самым удачливым. Вся мощь вражеской артиллерии казалось, была сконцентрирована именно здесь – углом выступая в сторону французов, четвёртый нещадно поливал огнём всех своих стволов окопавшиеся внизу неприятельские войска, нанося им ежедневно гигантский урон. Ценой этого главенствующего положения на высотах были сотни жизней в день.

– Заряжай! – очередной залп батареи Толстого добавил настроения и соседним батареям – отстреливаются братки – значит, стоим, держимся.

– Николаич, неуж-то полезут, а? – Сухомлин вытер пот со лба и хитро прищурился, примыкая штык.

– Непременно, мичман! Непременно полезут! А мы им, что?

– А мы им всыпем, Вашблагородь! – отрапортовал канонир, втягивая шею после очередного хлопка за бруствером.

Артиллерийский подпоручик Лев Николаевич Толстой на четвёртом бастионе стал уже давно своим – еще весной его 3-я лёгкая батарея 11-й артиллерийской бригады получила предписание прибыть в Севастополь. Квартирмейстер Толстой заранее прискакал в город для выполнения служебных поручений и первым из своих однополчан получил исчерпывающее представление о том, как отличается военная действительность от бравурных журнальных статей и геройских рассказов демобилизованных по ранению офицеров в обществе юных барышень с бантами на шляпках.

³ Плетеная корзина, наполненная землёй.

О том, как мужики делили под непрерывными бомбёжками с дворянами блиндажи, а потом помирали вместе с ними от боли на соседних койках в гошпитале, в газетах не писали. О том, каким запахом несёт из операционной, где падающие от усталости хирурги сотнями в день ампутируют конечности, нельзя было рассказать никакими эпитетами, как и описать выражения лиц медицинских сестёр, просыпавшихся и валившихся с ног от усталости под стоны и крики изуродованных осколками солдат.

После всего увиденного у подпоручика и его артиллеристов, как и у всей линии обороны, имелось только одно желание – «всыпать» как следует и англичанам, и французам, и примкнувшим к ним сардинцам, от чего дрались они еще злее и яростнее, осыпая ядрами всё ближе подбиравшегося своими траншеями врага. И в порыве этом они гибли, калечились, прибавляя работы хирургам Пирогова на Южной стороне. Это был замкнутый круг.

– А Малахов – то, пуще нашего утуют... – Сухомлин достал трубочку и раскурил, прислушиваясь к канонаде слева от четвёртого бастиона.

Звуки, доносящиеся оттуда, с Малахова кургана, слились в единый, монотонный гул разрывов и пушечной пальбы. Такой шум издаёт фейерверк в последней своей стадии, когда требуется закончить праздник на мажорной ноте и оставить у гостей неизгладимое впечатление – грохот хлопков, облака дыма и непрерывающийся поток света.

– Не сладко там сейчас, да... И отстреливаются всё реже... – заметил подпоручик, вглядываясь в густое облако пороховых газов, накрывшее собой позиции защитников на вершине кургана.

– Ты глянь-ка... замолкли... – заметил Сухомлин спустя минут десять после полудня.

Подпоручик Толстой, аккуратно расположившись между турами, вглядывался в бинокль на подножие Малахова кургана, до которого по прямой от их батареи было не более, чем две с половиной версты⁴. Во вражеских окопах отчётливо наблюдалось необычное движение – французы группировались в боевые порядки, впереди которых появилось трёхцветное знамя.

Часовой, тоже следивший за французами у подножья четвёртого редута, чертыхнулся, упомянул грешным словом чью-то матушку и ринулся к орудиям:

– Штурм! Штурм!

– Картечью! Заря... жай! – подпоручик Толстой не стал ждать общей команды. Его пушки заговорили первыми.

... К вечеру, когда жаркое августовское солнце уже уходило за далёкую и невидимую линию, где небо сливается с морем, поле боя, покрытое коричневой, пропитанной кровью грязью, по всей линии обороны было усеяно трупами.

Синие мундиры откатились вниз, оставив перед брустверами несчетное количество погибших и смертельно раненых – редкие стоны пробивались сквозь груды тел, заполнивших траншеи и подходы к оборонительным сооружениям.

Вестовой прошёл по редутам и батареям, отыскав командира или того, кто принял командование вместо погибшего офицера, довёл до сведения приказ командующего.

– Что, вашблагородь?... – выжившие артиллеристы вопросительно смотрели на своего подпоручика, весь вид которого выражал недоумение и озабоченность.

– Получен приказ отходить ночью на Северную... Малахов курган пал...

Сухомлин сорвал бескозырку и рукой, перемотанной бинтами, бросил её оземь, забыв напрочь о своей ране. Мичман взвыл не столько от боли в руке, которую чудом не оторвало, а только прошило осколками, сколько от досады и злости:

– Для чего?! Пошто стояли?! Одиннадцать месяцев! От «Язона» остался только колокол да я! Все полегли! Для чего, я тебя спрашиваю, ваш благородь?

⁴ 1 верста – 1066,8 м.

Ещё секунда, и полный ярости Сухомлин ухватил бы Тостого за лацканы мундира, но мичман опомнился, уразумев, что артиллерийский подпоручик этого приказа не давал и сам сейчас не имеет ответа на его вопросы.

– Лев Николаич, Малахов пал, там всех перебили, но мы-то живы! Мы-то не отступили! И никто не отступил... Для чего гибли-то?!

– Не бывает смерти для чего-то. Она бывает только во имя – отвечал Толстой мичману. – И у каждого это имя своё. Из многообразия этих имён складывается воля полков, смысл их общей жертвы.

Сухомлин пристально глянул в глаза графа, желваки его ходили, и припорошенные пылью густые брови нависли над колкими маленькими глазами:

– Ты, вашблагородь... Много умных слов знаешь... Костромские мы. Такому не обучены. Не ответил ты мне, зачем экипаж мой тут полёг. Остаюсь я. Моё имя – «Язон».

Весь путь до Александровской батареи подпоручик Толстой проделал молча. У него не было ответа на простой вопрос мичмана Сухомлина. Он не понимал, почему костромской мужик, волей случая и рекрутёров ставший военным моряком, этим самым вопросом вогнал его в ступор и заставил чувствовать себя виноватым за это поражение. А главное, чем терзался подпоручик – это понимание бессмысленности всех этих жертв. Почти год. Войско на войско. Батальон на батальон. Батарея на батарею. Действительно, зачем?

«Каждый день убирать из войска по одному солдату. Ведь это во власти главнокомандующих... Настанет день, когда на поле боя останутся двое. И сколько жизней можно было спасти...» – спускаясь к морю, граф искал для себя правду, которая располагалась где-то между долгом и человеколюбием.

– Поберегись! – шальной всадник, скорее всего – гонец из штаба зачем-то прорывался против потока отступающих по мосту войск на Южную сторону. По всей видимости, оставались ещё какие-то приказы, не доставленные на линию обороны.

Связанные между собой плоты, заякорённые в одну линию, приказал установить между Константиновской и Александровской батареями генерал-лейтенант Бухмейер. За пару недель до отступления понтонный мост длиной 450 саженей⁵ через Большую бухту связал Северную и Южные стороны. Со стороны моря вдоль моста были затоплены в ряд корабли Черноморского флота. Бухта надёжно была закрыта от вторжения флота интервентов, но всё же, находилась в пределах досягаемости их корабельных пушек. Константиновская батарея, державшая пол прицелом рейд Севастополя, огрызаясь пушечным огнём, отгоняла флот союзников, но редкие ядра всё же до переправы долетали.

«Откуда они???» – удивлённо подумал подпоручик, отвлёкшись от своих тяжких мыслей и обратив внимание на гражданских, сбившихся в кучу вместе со своими повозками и скудными пожитками возле входа на переправу. Дородного вида баба с повязанным на голове красным платком зычным голосом орала на часового, стоявшего на входе в мост. Солдатик с ружьём ничего не мог противопоставить женщине, за спиной которой стояли несколько мужичков в потрёпанных картузах. На первый взгляд невозможно было определить, чья это жена – они одновременно кивали головами в такт её эмоциональным взрывам, а часовой только растерянно оправдывался, мол, приказ и он не может послушаться офицера.

«Зови своего офицера!» – надрывалась женщина, набрав своей большой грудью как можно больше воздуха.

Над переправой, на холмах южной стороны раздались подряд два мощнейших взрыва. Место их определить можно было только по зареву, осветившему акваторию бухты. Наверное, пороховые погреба были единственными уцелевшими строениями на этой части города, и то, благодаря своей скрытности от огня противника. Больше ни одного целого дома там не осталось,

⁵ Сажень = 2,16 м. 450 саженей = 972 м.

тем более неестественным выглядело появление мирных жителей среди отступающих войск. Где они прятались? Зачем? Почему не ушли хотя бы во время штурма на другую сторону? Воистину, не исследована душа человеческая, её привязанности и странности...

– Где старший переправы? – спросил подпоручик Толстой караульного и этот его вопрос заставил женщину хоть на мгновение замолчать.

– Не могу знать, Ваше благородие! – отрапортовал солдат. – Может на ту сторону подался, почём мне знать?

– Под мою ответственность, приказываю пропустить эти три повозки! – граф, не отводя взгляда от опешившего солдата, указал рукой назад, где почти на самом краю набережной, теснимые военными подводами, стояли три арбы с несколькими тюками пожитков этих семей.

– Никак нет, ваше благородие! У меня начальство и приказ! Давай, не стопори! Чего рот разинул, земля! Давай, веселее! – возле входа на мост образовалась пробка из-за остановившегося на минуту движения – в воду недалеко от переправы упали два ядра, причинив ранения нескольким возницам и морякам.

– Подпоручик Толстой! Третья лёгкая батарея! Приказам офицера подчиниться обязан! Фамилия?! – граф не ожидал от себя такой громкости голоса после всех тех упаднических мыслей, что он передумал, спускаясь к бухте. Скорее всего, безнадёжность, сутолока и всеобщее раздражение от вынужденного отступления должны были найти свой выход. Этим громоотводом стал караульный, растерявшийся от неожиданного напора артиллерийского подпоручика.

– Чёрт с вами... – еле слышно произнёс рядовой неуставную фразу и махнул мужикам, пропустив сначала телегу с ранеными, уложенными на жидкую подстилку из остатков сена. Мужички с благодарностью кивнули подпоручику и сразу же пнули двух осликов, неведомо как выживших в этой мясорубке. Третий же, самый из них тщедушный, и оказался мужем голосистой женщины. Он сам взял в руки оглобли и потащил свою арбу. Крепкая баба в это время быстро поклонилась графу и коротко крикнула ему, толкая уже сзади свою повозку: «Воздастся тебе, милоч! Господь всё видит! Спаси тебя Бог!».

Среди ночи, под грохот взрываемых укреплений и складов, батарея Толстого переправилась на северную сторону. На той стороне переправы несколько офицеров указывали, кому куда следовать – перед ними стояла задача максимально быстро очистить выход с моста, чтобы не создавать заторов при движении.

Мокрые от морской воды, периодически заливавшей переправу волнами, артиллеристы шли к шестнадцатой батарее. Уже на подходе, когда пространство позволило двигаться не в колонне, подпоручик обратил внимание на гомонящую толпу солдат и матросов, собравшихся вокруг каменного парапета, на котором стоял человек в генеральском мундире, пытавшийся своим командным голосом перекрыть толпу.

– Сдались на милость супостатам! Струсили! – перекрикивали друг друга озлобленные защитники Севастополя.

Генерал поправил пенсне, снял фуражку и громко продолжил:

– От того, что Москва сгорела в двенадцатом⁶, Россия не погибла! Москва возродилась, отстроилась, и казаки таки вошли через два года в Париж! Севастополь не сдан! Я приказал войскам отступить с позиций на Южной стороне, потому как не вижу смысла в дальнейших жертвах после падения Малахова кургана!

Толпа притихла, слушая своего командующего.

– Наши главные победы впереди! И я, как главнокомандующий, должен думать не только о сиюминутных тактических выгодах, но и том, что я буду делать завтра! Кем буду командовать, какими силами противостоять неприятелю! Сегодня я сохранил войско, уступив несколько

⁶ 1812 г.

высот, завтра это войско, окрепшее и перевооружённое, продемонстрирует силу русского оружия снова и снова! Нам нужно жить, братцы, нам нужно окрепнуть!

– А что, Нахимов даром погиб? Так выходит? – вскрикнул моряк в боцманском кителе.

– Недаром! Его отвага и бесстрашие вдохновляли нас на ратные подвиги, а его знания и раздумья нам в помощь будут, когда флот будем строить заново. Новый флот, с портом в Севастополе!

– Эх, Ваше высокопревосходительство... Когда это будет? – раздалось из толпы.

– Будет, братцы, будет! Столько крови пролито на этом месте, столько братков наших полегло! Не имеем права сдать, не можем смириться! А сейчас – раны лечить, да отдыхать. Сил набираться!

Воины, кто молча, кто – безнадежно махнув рукой, стали расходиться и подпоручик Толстой направился к генералу, пробираясь сквозь толпу.

– Граф, рад вас видеть в здравии! – генерал обнял подпоручика, и, держа его за плечи, окинув взглядом с ног до головы. – Цел?

– Как видите, Михаил Дмитриевич! Можно сказать, повезло... – ответил граф Толстой генералу Горчакову. Именно Горчаков, будучи командующим войсками в Крыму, удовлетворил прошение своего дальнего родственника, подпоручика Льва Толстого о переводе на позиции.

– То, что выжил – это хороший знак. Значит нужен ещё, значит у высших сил на тебя планы... Сказывают, государь читывал твой «Севастопольский рассказ». Передали мне даже волю Высочайшую, мол, беречь следует Толстого. Талантлив.

– Премного благодарен, Ваше высокопревосходительство, что не спрятали в тылу. Теперь, думаю, впечатлений у меня набралось предостаточно, чтобы написать об этом еще кое-что...

– Лев Николаевич, только попрошу тебя... Ты с этими своими памфлетами, поосторожней⁷.

– Пожалуй, памфлетами тут дела не решить, да, Михаил Дмитриевич... Как же так? Почему так получилось? – Толстой смотрел в глаза генерала и тот взгляда не отводил. Напротив – выражение лица Горчакова сменилось с благостного, от встречи с выжившим родственником, на суровое, какое бывает у генерала, вычитывающего своего подчинённого.

– И ты туда же, граф! Рассказать, как? Тут вот меня Нахимовым попрекают, мол, сгубили народного героя! Скажу тебе: адмирал искал своей доли. Все знают – он единственный, кто по позициям в золотых эполетах ходил под прицельным огнём! А почему, знаешь? От отчаяния. Никто ему был не указ. Раз уж, флота лишился, так решил на суше восполнить с лихвой. Понимал он, что с таким флотом не одолеем эскадру. Куда нашим парусам против их паровых машин? Куда нашим пушкам с их дальностью тягаться? Всё, закончилось время деревянных парусников. И мы проиграли не сегодня. Мы проиграли, когда не думали о бронировании корпусов, о новой артиллерии. И Нахимов это понимал лучше всех. Только не хотели его слушать в Петербурге. Одна надежда – если новый Государь наш, Александр Николаевич, тем, что батюшка его покойный упустил, озаботится... Оказалось, что подкрепление к Севастополю англичанам было легче привести морем, за тысячи миль, чем нам по суше три месяца идти... Пиши, Лев Николаевич, пиши... Ты всю правду здесь повидал. Пиши. Пусть читают...

... Французы долго не решались подняться на четвёртый бастион, и другие позиции, поначалу не поверив, что русские после такого ожесточённого сопротивления оставили Южную сторону и полностью разрушенный город.

⁷ В начале августа 1855 г. Л. Толстой написал песню «Как четвёртого числа нас нелёгкая несла горы отбирать», где откровенно высмеял неорганизованные и непродуманные действия русского генералитета, приведшие к поражению от франко-сардинских корпусов в сражении возле речки Чёрной.

Только через три дня вперёд пошли сапёры, ожидавшие каждую минуту, что вот-вот рванёт заложённая где-то мина или пороховой погреб, но всё уже взорвали ночью при отступлении, а сапёров тех встретил мичман Сухомлин с 12-ти пушечного брига «Язон». С собой он забрал четверых.

Глава III

3 января 1856 г. Рабочий кабинет Александра II. Зимний дворец. Санкт – Петербург.

Государь Александр Николаевич пребывал в прескверном расположении духа. Метель, разбушевавшаяся к вечеру этого дня в Санкт-Петербурге, протяжно подвывала, бомбардировала столицу снежными зарядами и, казалось, была намерена лютовать до утра. Погода за окном кабинета императора полностью соответствовала положению дел в стране, в дипломатии, на фронте.

Получив от отца не самое завидное наследство – пустую казну, политическую изоляцию в Европе, войну на нескольких театрах боевых действий, он поклялся перед Государственным Советом и всей Империей, что денно и ночно единственной его заботой будет беспокойство о благоденствии страны. Господь пока явно не благоволил новоиспечённому Государю в реализации его намерений.

Ровно в восемь вечера камердинер, как обычно торжественно, распахнул обе створки высоких дверей его кабинета:

– Ваше Императорское Величество! Великий князь Константин Николаевич и прочие приглашённые прибыли для аудиенции!

– Зови... – Александр II продолжал стоять у окна, вглядываясь в стекло, покрытое морозными узорами, сквозь которые уже с трудом просматривались контуры дворцового ансамбля.

Камерная обстановка рабочего кабинета царя полностью соответствовала моменту. Портреты государей, картины, изображающие батальные сцены, даже фигурки солдат разных полков, накрытые стеклянными колпаками – всё наталкивало только на мысли о войне и её последствиях.

– Ваше Императорское Величество, – прервал неловкую паузу младший брат царя, адмирал, управляющий морским ведомством, Великий князь Константин Николаевич. – По Вашему приказу прибыли все, кто необходим для сегодняшнего совета. Мы в Вашем распоряжении, государь...

Чести быть в советниках у Императора в такой тяжёлый час удостоились кроме Великого князя Константина, военный министр, князь Василий Андреевич Долгоруков, бывший российский посол в Вене барон Мейендорф, министр иностранных дел граф Нессельроде, князь Воронцов, графы Блудов, Орлов и Киселёв.

– Располагайтесь, господа... – произнёс Александр II на французском языке. – Протоколов вести не будем. Сегодня мы с вами обязаны принять решение, во многом, возможно, судьбоносное. Мне нужно знать мнение каждого из вас. Необходимость именно коллегиального решения продиктована вашей компетенцией и моим безусловным доверием.

Все восемь приглашённых, конечно, были посвящены в канву событий, но именно сам факт этого почти ночного совещания подталкивал их к мысли, что произошло нечто неординарное.

– Мы получили удар в спину. – Александр II, заложив руки за спину, стал между своим столом, располагавшимся посередине кабинета и окном, так, чтобы видеть каждого из присутствующих, ни один из которых не принял предложение государя располагаться. В присутствии венценосной особы они все продолжали стоять.

– Австрийский посол Эстергази передал нашему министру иностранных дел Нессельроде ультиматум коалиции. Карл Васильевич, конечно, знаком с его содержанием, но не вы, – продолжил царь. – Срок сего ультиматума истекает через три дня. Как поведёт себя Австрия в случае его неприятия, мы можем только гадать, но я не припомню ни одного случая в истории дипломатии, когда такие события заканчивались бы пирами. Итак... Ультиматум содержит пять пунктов. Поправьте меня, министр, если я недостаточно точно выражу их.

Нессельроде поправил пенсне и покорно кивнул – в его возрасте такие треволнения давались слишком тяжело, последние дни он стал замечать некоторую слабость в ногах, и порой

приходилось умирять лёгкий тремор. Даже его любимые изысканные ужины при свечах не доставляли никакого удовольствия и не приносили такого желанного душевного равновесия.

– Первое: противостоящая нам коалиция требует уступить в их пользу протекторат над Сербией и Валахией. Второе: в устье Дуная они требуют полную свободу судоходства.

Государевы советники, каждый из которых в силу своих обязанностей владел лишь частью общей картины, внимательно слушали своего царя – каждое его слово рисовало ситуацию в целом.

– Третье: нам предложено отказаться от покровительства православных подданных турецкого султана.

Граф Блудов, считавший, что двуглавый орёл – единственный истинный защитник православных, на этих государевых словах не смог сдержать эмоций и своим хмурым выражением лица ясно выразил своё неудовольствие.

Император говорил медленно, отчётливо, делая паузы между словами, будто ему было нужно сформулировать следующую мысль, и при этом внимательно следил за реакцией приглашённых. Кроме старика Блудова никто своего душевного беспокойства не выказал.

– Четвёртое: уступить Молдавии часть Бессарабии вдоль русла Дуная.

Нессельроде еще раз кивнул, подтверждая истинность слов Государя, но выглядело это несколько нелепо – он будто оправдывался. Все присутствующие отлично знали историю австрийского вопроса и понимали, что такой резкий разворот союзника – это в первую очередь – катастрофический провал министерства иностранных дел.

– И пятое, – Александр II от нервного напряжения сам не сдержался и изменился в лице – челюсти его сжались, заставив желваки вздуться, а взгляд стал острым, с прищуром. – Сим трактатом нам запрещается иметь на Чёрном море военный флот, а на берегах – арсеналы и укрепления...

Государь окончил свою короткую речь, но никто пока не решился взять слово.

– Как, впрочем, и Турции, но это мало что меняет. И через Босфор также воспрещается проход всяких эскадр независимо от флага.

Александр II проследовал к своему креслу у стола и сел, положив ногу на ногу. Члены этого импровизированного совета при дворе после жеста хозяина кабинета таки сели на подготовленные для них места, но министру иностранных дел, борющемуся в этот момент со своим пульсом, всё же пришлось опять подняться.

– Карл Васильевич... Потрудитесь сформулировать мне и всем присутствующим мнение вашего ведомства. Попытайтесь при этом не растекаться мыслью по древу. О лаконичности прошу и всех остальных. Мне нужно знать ответ только на один вопрос – принимаем мы ультиматум или нет. Как следствие – сможем ли мы оправиться от такого удара... Прошу...

– Ваше Императорское Величество, я буду краток... Союзники недовольны содержанием этого документа. Они считают, что эти условия не удовлетворяют их амбиций и они в праве требовать большего.

– На основании чего? В войне определился победитель? – перебил своего министра Император.

– После падения Севастополя они себя таковыми считают. Я не уверен, что дальнейшее наше сопротивление не приведёт к ухудшению положения на театре военных действий, и тогда уж точно условия мира буду иными. Более тяжёлыми.

Рассматривая поверхность стола, Александр II провёл рукой по усам, будто проверяя их и без того идеальную линию.

– Михаил Семёнович, соблаговолите высказаться... – слово переходило к наместнику Кавказа, светлейшему князю Воронцову.

– Вижу в принятии условий тяжёлый, но такой нужный нам выход. Можем потерять Польшу или Финляндию. Или и Польшу и Финляндию. Сейчас поступившись гордыней, сможем голову поднять со временем. Время – наш друг и союзник.

– Генерал-адъютант Орлов... – Государь выслушивал своих советников в том порядке, в котором они расположились в кабинете.

– Ваше Императорское Величество... Верхом самонадеянности я считал бы слепую веру в нашу победу, когда ни одна из держав нам не подставит плечо. Согласен с князем Воронцовым. Польша и Финляндия меньше пятидесяти лет в составе Империи. Это одно поколение. Союзники долго думать не будут. Это они сейчас не решились – еще год войны, и условия будут другими. По сравнению с такими опасностями, жертвы, которых от нас теперь требуют, ничтожны, минимальны и на них должно согласиться...

– Барон Мейендорф.

– Дальнейшее ведение войны ослабит казну настолько, что мы неизбежно придём к банкротству. Не вижу в этих условиях ничего такого, что помешало бы за некоторое время восстановить состояние казны и армии. Пусть потешатся. Пока что...

– Граф Киселёв.

– Народ истощён и зол. В каждой войне есть смысл, если она ведёт к победам. Викторию же в одиночку не одержать. Следует согласиться и искать союзников в Европе. Союзников против Британии в первую очередь. Те никогда не успокоятся. Мир с Англией – всегда явление временное, пока лев не отоспится и не зализет раны.

– Граф Блудов.

– Ваше Императорское Величество, моя позиция Вам хорошо известна. Быть в числе великих держав – значит нести крест ответственности. Я не знаю, что мы потом скажем сербам. Я не найду слов для наших моряков. И не сумею оправдаться перед православными, что в Турции осеняют себя таким же как и мы крестным знаменем. Условий не принимать. Таково будет моё слово.

Император встал с кресла и, всё так же держа руки за спиной, опять подошёл к окну – теперь ему следовало принять решение. После долгого молчания, за время которого каждый из выступивших продумал сказанное ним еще раз и убедился в собственной правоте, Император огласил свой вердикт:

– Посему и быть. Каждый из вас сказал слова, ведомый искренним желанием благополучия России. Нессельроде – повелеваю вступить в переговоры и готовить мирную конференцию. Всем спасибо. Великий князь, оставайтесь...

Константин Николаевич всё это время не сказал ни слова, но он был посвящён в тему вечернего собрания в Зимнем.

– Скажи мне, брат... – Император обратился к Великому князю, когда дверь кабинета закрылась за графом Орловым, выходявшим последним. – Ты, как адмирал, как управляющий морским ведомством, сможешь ли повторить то чудо, что сотворил вместе с Путиловым⁸?

– Ваше Императорское Величество, как это сделать, мы понимаем. Но как же запрет на флот в Чёрном море?

– Пока Нессельроде будет торговаться, нам нужно уже размышлять на десять лет вперёд. Как запретили, так и отменят. Не бывает вечных договоров. Вон, Австрия – тому пример.

– Только наш великий предок мог с мужиками флот на Плещеевом озере заложить, – князь Константин взглядом указал на портрет Петра Первого. – Времена другие. Топором да сноровкой уже не управиться. Слова Горчакова мне запомнились: пока мы три месяца полки в Крым ведём, пока порох на подводах тащим, англичане всю Европу на судах за месяц обходят.

⁸ В 1854 г. Н.И. Путилов по поручению князя Константина Николаевича и за его личные средства в короткий срок построил для защиты Санкт-Петербурга от осаждавшей столицу англо-французской эскадры флотилию паровых канонерских лодок.

– И флот будет, и Севастополь. Пусть дипломаты свои интриги плетут. Наше дело – быть готовыми, когда они одержат победу на своём фронте, а для этого... Ты готов, брат? Только тебе могу доверять.

– Не впервой, государь. Мужики на путиловских верфях говорили – сдюжаем. На тот случай план уже продуман в общих чертах: была бы железная дорога до Севастополя, разве решились бы союзники на осаду? Нет. Был бы флот броненосный, подошли бы на рейд? Точно нет. Металл нужен. Наш металл. Тогда и лист броненосный сделаем, и рельс. Немногим больше мы, чем Англия, нам без дорог будущего не видать.

– Ну что ж... Чем сложнее цель, тем интересней к ней идти. Я так понимаю, ты, Константин Николаевич, согласен. Теперь с тебя спрос будет и за флот новый, и за дороги железные...

Глава IV

11 ноября 1863 г. Форт Константин. Кронштадт.

Порывистый ветер с моря гнал коричневые волны с залива в сторону Маркизовой лужи⁹. Еще немного – и лёд покроет поверхность Невской губы хрупкой коркой, которая затем за пару ночей превратится в прочный панцирь, делая невозможным полноценное судоходство.

Суета в форте «Великий князь Константин», как это обычно бывает в частях, предвосхищала визит высокой инспекции. Матросы сновали поодиночке и группами, передвигая необычного вида деревянные конструкции с подвешенными на них цепями железными листами, опиравшимися на дощатую стену. Со своих позиций были сняты два орудия – одно, английское, 68-фунтовое, системы Дандаса, другое, только поступившее в форт, производства завода Круппа. Пушки установили на расстоянии двухсот метров от железных щитов, служивших в данном случае мишенями.

Командир форта, полковник артиллерии Мельников с удовлетворением принял доклад офицера о полной готовности к испытаниям – к берегу уже причаливал катер из Санкт-Петербурга.

На берег, придерживая фуражки от ветра, сошли генерал-адъютант, товарищ¹⁰ генерального инспектора по инженерной части Эдуард Иванович Тотлебен; полковник, военный инженер Оттоман Борисович Герн и еще несколько офицеров, представлявших военное и инженерное ведомства.

Тотлебен, ступив на сушу с палубы колыхаемого волнами небольшого катера, уверенным шагом, не ожидая встречающих (он категорически не принимал разного рода формальностей и лести) двинулся в направлении форта Константин. Генеральский мундир был виден издали, так что, встречающая сторона вполне была осведомлена о прибытии комиссии во главе с гением военной инженерии.

Тот самый Тотлебен, который, исправил непредусмотрительность Меншикова, успел в спешном порядке возвести укрепления в Севастополе, который спас город от штурма союзного десанта, теперь руководил переоснащением фортификаций. Поручение это генерал получил от Великого князя Константина и первым стал форт, названный в честь самого брата Императора.

Мощь артиллерии английского и французского флотов, получивших в своё распоряжение нарезные орудия, требовала принятия срочных мер. Как и всё в России, модернизация происходила авральным порядком.

– Итак, полковник, как наши дела? – генерал, не останавливаясь, проследовал к металлическим щитам.

– Ваше Высокопревосходительство, всё готово! – отрапортовал командир форта.

Тотлебен снял перчатки и руками принялся ощупывать холодный металл. За его действиями и реакцией наблюдали два человека, одетых не по российской моде.

– Англичане? – кивнул в сторону тех двоих генерал.

– Так точно, Ваше высокоблагородие! Прибыли с Британских островов, сопровождая груз!

– Пригласите их, чего они там мёрзнут? – ухмыльнулся Тотлебен, обратив внимание, что англичане одеты явно не по погоде. Лондонский климат от здешнего в это время года выгодно отличается мягкостью и официальные гости явно не учли этого обстоятельства.

Лейтенант, стоявший позади командира форта, по армейской привычке приказным жестом махнул рукой, чтобы не терять времени, но англичане продолжали стоять на месте.

– Эх, черти... – молодому офицеру пришлось пробежаться.

⁹ Невская губа (фолк.) Иногда Маркизовой лужей именовали за его мелководность и весь Финский залив.

¹⁰ Заместитель.

– Что эти русские о себе возомнили? – негромко сказал один из англичан своему помощнику, которого он взял в поездку в качестве переводчика – у того были русские корни и он сносно владел языком.

– Как обычно, мистер Хьюз... дремучие, некультурные люди... – ответил ему помощник, сопровождая к генералу.

Среднего роста, розовощёкий, англичанин с седыми бакенбардами, спускающимися вниз от котелка, своей искренней улыбкой произвёл на Тотлебена обезоруживающе приятное впечатление. Этот подданный Британской короны не вписывался в стереотипы того, как должны выглядеть островитяне: он был не бледным, не худым, не имел острых черт лица и не изображал аристократскую невозмутимость. Полная противоположность.

– Разрешите представиться, господин генерал. Управляющий Мильвольским железопрокатным заводом, Джон Джеймс Хьюз, – переводчик с ужасным акцентом, свойственным англичанам при русском произношении, прокартавил первую фразу своего шефа, произнесённую в адрес русского генерала.

– Это та самая броня, которую ваше Адмиралтейство так нахваливало?

– Абсолютно так.

– Проводились ли испытания? – строгим голосом испросил Тотлебен. Ему было интересно, насколько искренне поведет себя английский промышленник. На самом деле, генерал-адъютант знал о результатах контрольных отстрелов, проведенных в Англии, всё в мельчайших подробностях.

– Проводились, конечно. Британское Адмиралтейство не имеет привычки верить на слово. Именно поэтому, наш флот – лучший в мире, – тон англичанина изменился с благостно-мягкого на уверенный, с нотками некоторой, допустимой приличиями, жёсткости.

– Ну, это временно... С какого расстояния расстреливали броню?

– Со ста саженей¹¹, господин генерал.

Тотлебен, повернувшись в пол-оборота, искал глазами командира форта:

– Полковник Мельников, прикажите подкатить орудия на четверть расстояния. Будем расстреливать с семидесяти саженей.

– Есть! – кивком головы полковник отправил своего лейтенанта выполнять приказ.

Пока столичная комиссия, англичане и военные шли под специальный навес, оборудованный за каменным бруствером, артиллеристы под командованием своих младших офицеров перекачивали пушки.

– И-и-и... Раз! – одновременно приложенные усилия десятка рук заставили сдвинуться с места лафет и, скрипя небольшими деревянными колёсами, орудие постепенно стало приближаться к отметке семьдесят саженей, на которой стоял лейтенант.

«Хитрый лис... Они не только разметили дистанцию, но и установили орудия сразу на семьсот футов...» – отметил про себя Джон Хьюз, удовлетворённый результатами проверки, устроенной ему генералом.

– Готовы? Командуйте, полковник. Заряжать в соответствии с протоколом испытаний, – скомандовал Тотлебен.

– Заряжай! Товсь! Пли! – оглушительный выстрел английского орудия почти слился со звонким ударом ядра о лист.

– Заряжай! Товсь! Пли! – следующий лист сорвало с цепей, и командир форта недовольно поморщился.

– Полковник, теперь из Круппа, – скомандовал Тотлебен. Новое орудие было нарезным и имело гораздо большую пробивную силу.

¹¹ 1 сажень = 7 футов = 2,13 м. 100 саженей = 700 футов = 213 м.

– Заряжай! Товсь! Пли! – Крупп звучал ещё мощнее. Гулко, низким тоном пушка выплюнула ядро и бронированный лист, поддавшись его удару, передал всю энергию станине, которая, качнувшись, будто потерявший равновесие пьяный матрос, хрустнула опорными балками и рухнула на булыжную мостовую форта.

– Пойдёмте... – генерал Тотлебен не стал дожидаться ответа англичан, славившихся своей приверженностью к этикету, а, быстро развернувшись, направился к мишеням.

Первые два листа повреждений не имели, лишь небольшие вмятины в месте попадания, которое пришлось точно по центру. Полковник Мельников в этот момент в душе испытывал ликование – не даром они вчера всадили в специально изготовленные дощатые щиты по десятку зарядов из каждой пушки. Не было сомнения, что попадут – Мельников требовал всадить заряд в пересечение диагоналей, которые он нарисовал лично. В самый центр.

– Господин полковник, моя благодарность батарее. Отличное попадание! – заметил Тотлебен. – Что скажете, полковник Герн?

Военный инженер присел так, чтобы место удара располагалось перед глазами, некоторое время рассматривал вмятину, зачем-то ощупал лист с торца и вынес свой вердикт:

– Достойно.

Такому же тщательному обследованию были подвержены и остальные образцы, в том числе, и поваленный выстрелом крупновской пушки. На этой, последней мишени, повреждения были наиболее значительны, но лист не порвался и не треснул – лишь глубокая отметина, будто от удара кувалды, так же как и на остальных, располагалась в самом центре.

– Я удовлетворён, Ваше высокоблагородие. К качеству брони у меня претензий нет. Возможно, оно даже превзошло мои ожидания. Если учесть, что листы будут укладываться поверх гранитных плит, то можно считать бруствер форта Константин неприступным перед современной корабельной артиллерией.

Несколько поразмыслив, обойдя опять медленным шагом образцы, Тотлебен обратился к англичанину:

– Скажите, мистер Хьюз... Эта броня производится на вашем заводе в Мильволе?

– Точно так, господин генерал. Это плоды моего труда и экспериментов. Я потратил на это изобретение несколько лет.

– Вы гарантируете, что с первым пароходом из Англии придут точно такие же?

– Господин генерал, доставленные нами образцы полностью идентичны тем, что испытывались нашим Адмиралтейством. Иначе и быть не может. На кону стоит моё имя. Читаю в Ваших глазах некоторое сомнение, потому могу заявить: лучшей стали в Англии не производят. Даже, если бы я имел коварный план, то найти бронированный лист лучшего качества просто негде. Я привёз свой.

– Я удовлетворён Вашим ответом. Можете считать, что вы получили подряд на бронирование форта Константин. Все подробности прошу Вас обсудить с полковником Герном. До скорой встречи. Принимать приеду лично.

– Можете не сомневаться, господин генерал. Вам не придётся расстреливать бруствер собственного форта, чтобы удостовериться в качестве листа, – Хьюз в знак почтения приподнял котелок, и комиссия во главе с генералом удалилась на причал.

Уже на катере полковник Герн, держась за поручни рядом с генералом, стоящем на палубе, решился оторвать его от раздумий.

– Я понимаю, о чём Вы думаете, Ваше Высокопревосходительство. Я думаю о том же...

– И что вас тревожит, полковник Герн? – вопросительно взглянул на того Тотлебен.

– Семь лет назад такими ядрами эти же англичане разрушили наш Севастополь, а теперь они нам продают броню для защиты от собственных пушек. Чудны дела твои, Господи... – ответил Герн.

– Да уж, в хитросплетении политики и коммерческих интересов могут возникать самые замысловатые сюжеты... Вот привезёт он завтра другой лист, что лопнет от плевка 38-дюймовой пушки, и как я буду в глаза князю Константину смотреть?

– Выход здесь один, Ваше высокоблагородие. Самим броню делать. Тогда взгляд Ваш всегда будет полным уверенности.

Глава V

16 декабря 1866 г. Резиденция Министерства иностранных дел. Дворцовая площадь. Санкт – Петербург.

– Ваша светлость, извольте чаю! – секретарь, державший поднос на пальцах одной руки, как заправский лакей, сохраняя равновесие, приоткрыл массивную дверь и полубоком проник в кабинет.

– Благодарю, Александр Карлович. Вы как всегда кстати... – промолвил человек, восседавший за громадным рабочим столом, обитым зеленой тканью, на котором согласно только одной ему известной системе были разложены бумаги, большая часть из которых составляла государственную тайну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.